

18+

Алексей Михайлович Романов

АКАДЕМКА

Алексей Романов

Академка

«Издательские решения»

Романов А. М.

Академка / А. М. Романов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-569896-4

Книга 5. Болезнь накатила безжалостно. Неправильный диагноз с ненужной аппендэктомией обеспечили автору крайне неприятное существование в физкультурном диспансере и, затем, в сердечно-сосудистой больнице. Врачи боялись смерти в больнице и отправили «долечиваться» домой с предложением инвалидности по неизлечимой болезни. Общение с достойными людьми помогло поверить в себя. Возвращение домой, самолечение и подготовка курсовых проектов под крылышком у родителей, и, снова — возвращение в институт.

ISBN 978-5-00-569896-4

© Романов А. М.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Юдоли печальные	8
Больничные развлечения	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Академка

Алексей Михайлович Романов

© Алексей Михайлович Романов, 2024

ISBN 978-5-0056-9896-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

– Сестра, может меня в реанимацию?

– Доктор сказал в морг, значит в морг!

И снова вагонные колеса выстукивают: Свердловск, Свердловск. Сбиваясь с ритма на стрелках. Из сортира привычно воняет. Даже в купе белье серое третичной свежести. Этот чудный букет будит ненависть к проводникам. Пьяненькие попутчики хвастливо делятся неаппетитными подробностями общения с женщинами. В соседнем купе стоит картежный ор, похоже качают права во время игры на денежку. Пока никого не бьют. Как обычно, залезаю на верхнюю полку и пытаюсь уснуть. Бесплезно. Народ, оторвавшись от семьи, от детей, идет в разнос. Проводники попрятались в служебных купе и не пытаются создать даже видимость порядка. Ждут, когда водочка выполнит свое предназначение и свалит с ног неуправляемых носорогов.

Вот и ночь, наполненная запахами перегара и съеденной пищи. Окна не открываются – стоит прохладная осень. И куда спрятаться от вони? Разве что в сортир... Там окно открывается. На этой радостной ноте проваливаюсь в сон.

Ночью будили несколько раз: то пьяные проводники искали места для зайцев, то странная девица вломилась в купе, включила свет и долго соображала, почему в ее женском купе одни мужики валяются. Обижалась и пыталась нас выгнать. Ну, и тревожился я за сохранность своей обуви, оставленной под нижними полками. Очень не хотелось босиком идти по городу. Мои маломерки вряд ли кому-нибудь подошли, но ведь со злости могли и выкинуть где попало. Потом ищите их, свищите их. Обошлось.

Даже выспаться удалось – поезд пришел в Свердловск с обычным опозданием на пару часов. Еле успел в деканат – получить место в общежитии и сдать проездные документы. Опять на Ленина 54. Вламываюсь в комнату: ба, знакомые все морды. На первом и третьем курсе вместе жили. Наша деканатская мамочка постаралась. Золотая женщина.

Дружной компашкой рванули запастись продуктами и всем, что к ним прилагается. Зашли в пельменную на Пушкинской. Опоздали. Уже закрыто. Но поварихи, увидев голодных студентов, открыли заведение, заташили и накормили от пуза. А вот денежку не взяли, хоть мы их и уговаривали. На практике то все хорошо заработали. Все равно женщины отказались. Приятная ситуация.

Сытые и благодушные тащимся в общежитие, по пути берем арбуз, тридцать четыре килограмма, однако. С трудом и матерками, но доставили к месту. Ели всей комнатой, пригласили других соседей, все равно осталось еще и на следующий день.

Вечером, по расписанию, объявился на тренировке в ШВСМ. Радостно пообщался с тренером Цыбиным. Из нашего отделения был только Игорь, а из параллельного – Саша, тот самый парень, которого зимой очень жестко уронили на трехкилометровой дистанции и шиповками продрали. Я к ним обоим питал огромное уважение. Тренерам было лень вдвоем заниматься такой мизерной группой, вот и направили нас вместе на кросс, с ускорениями в горку. Ладно Игорь и Саша – оба стайеры, средневику с ними на кроссе тяжело мотаться. И надо было видеть их глаза, когда обнаружили у меня утяжелитель – свинцовый пояс. Предлагали выбросить его и работать как все нормальные люди.

Отказался. И гордо дотерпел дистанцию с ними до самого финиша. Правда, под конец серые тучи почему-то казались розоватого оттенка. После кросса Саша настойчиво уговаривал меня бросить средние дистанции и переходить на длинные. Не успел.

Начались у меня проблемы со здоровьем.

Красные точки на коже, которые появились на первом курсе после пересечения вброд горячей речки, на втором и третьем курсах густо размножились и даже крупные пятна образовывали. Горло постоянно кровоточило и болело, утром часто кровью поплеывал. А тут еще начались неслабые боли в суставах и в животе. Мерзенький такой букетик.

В общежитии ни с того ни с сего из горла кровью полоснуло. На полу приличная лужа образовалась и отвратительно воняла. Пришлось ее убирать. Тряпку потом выбросил. Ребята здорово испугались. Сблედнули.

И что делать? По инерции ходил на занятия и на тренировки. И, даже, в кино. Во дурак.

Неделю терпел такое непотребство. Только когда в коленях возникло постоянное ощущение битого стекла, а локти не мог согнуть, поплелся сдаваться в институтскую поликлинику. Старая врачиха-терапевт старательно пыталась разобраться. В итоге придумала очень странное определение болезни. Инфекционно-аллергический полиартрит. Выписала пилюли. Я их честно начал пить. Великолепно помогало целых три дня. Потом состояние резко ухнуло на прежний уровень и даже хуже. Лекарства сменили. Помогло на один день, а затем любые таблетки не помогали от слова «совсем». Так на собственной шкуре узнал, что такое «плацебо».

Мои «героические» походы на лекции оказались глупыми и напрасными – даже писать конспекты не мог. Суставы отказывали.

Юдоли печальные

Тут подключились институтские и ШВСМовские деятели. Засунули меня в спортивный диспансер. Во время приема очень строгая дама задала мне кучу вопросов. Систему не уловил. Но подглядел записи. На вопрос:

– Пьете?

Осторожно отвечаю:

– На Новый год позволяю себе бокал шампанского.

Вру немножко, не без того. Но меня убила наповал ее запись в истории болезни: «пьет много и систематически». Соседи по палате ржали: это она всем так записывает. Там я пробыл одни сутки. Затем скрутило так, что на «скорой» увезли в дежурную хирургию железнодорожной больницы.

В коридоре куча страждущих, все ждут срочной операции. Стоны, ругань, вонь. Вставили мне в задницу термометр, сравнили с данными замеров подмышкой и объявили диагноз – острый аппендицит. Резать, и никаких сомнений. Даже пальпацию не делали. Вот это понимаю – экспресс-анализ. Завели в ванную комнату, вручили бритву, обязали подмыться и побриться. Одного оставили. Свои вещички на стул сложил. Привел себя в требуемый вид и даже в относительно белую простыню закутался. Поискал белые тапочки, но не нашел. Некомплект, однако.

Шлепаю босиком к каталке, вызвал медсестер и улегся на холодное ложе с колесиками. И повезли меня две сестрички в операционную, стебаются по ходу дела. Мои длинные волосы на шиньоны выпрашивают. Мол тебе они уже не понадобятся. Шиплю:

– Перетопчетесь. Пригодятся ишшо...

Засадил мне уколы местной анестезии и вывалили на операционный стол. Руки-ноги ремнями вяжут. У подбородка экранчик, чтобы от наблюдения за ходом операции в обморок не грохнулся. Идиоты: надо мной здоровенный винт с зеркальной головкой и все видно. Любопытно ведь.

Молодой парень, явно из интернатуры, чего-то режет, что-то из меня достает. На живот кладет. По ходу пытается меня отвлечь, убалтывает:

– Слышь, пацан, как ты собираешься после операции жить?

– А в чем дело?

– Так у тебя на животе ни грамма жира нет.

– Ты давай режь. Это мои проблемы.

Заткнулся, ковыряется дальше. Боль от резни уже отчетливей становится. Наверное, действие анестезии кончается. А этого гаврика с ножиком опять на хохмы пробило:

– Марь Иванна, подойдите пжалста.

Подходит здоровенная квадратная бабища. Рожа багрово-красная, как после парилки, или с перепоя.

– Что случилось?

– Посмотрите, я его правильно режу или нет?

– Да правильно, правильно. Режь дальше.

Поглядел интернатишка в мои глазенки. Понял, что перебор. Почувствовал, быть его харе битой, если меня ремни не удержат. Удержали. Понятливо заткнулся, гаденыш.

Мстил предсказуемо. Шов затягивал так свирепо, что даже анестезия не помогла.

Засадил морфий и повезли в палату. Уснул по дороге и даже не чувствовал, как меня на кровать вывалили.

Проснулся от того, что медсестра по щекам хлещет, будит. В палате остальные все спят. Шар ночной лампы плавает надо мной. Как во время жестокой пьянки. И все. Никакого сна

до следующей ночи. Не было никакой иссушающей жажды, воду не просил. Еду тем более. Боль – это да, плюс побочные проблемы. Терплю.

Утром поневоле слушал больничный треп. Сплошная антисоветчина. Сосед такую хрень молот о том, каким образом план по металлу в стране выполняется, что я пожалел об отсутствии рядом парней из КГБ. Этот гад лежал ногами к моему лицу, омерзительно вонял, злобно вопил и у меня, как у собаки Павлова, образовался стойкий отрицательный рефлекс на всех, кто против Советской власти выступает. До сих пор действует.

На третий день приказали подниматься и прогуливаться. Злобная медсестра требует:

– Распрямись, что ты крючком корячишься?

– Как зашили, так и корячусь. Разогнусь – по шву поползет.

– Да кто ты такой, чтобы понимать в хирургии... Сопляк!

Хрен с тобой, пытаюсь разогнуться, тут кровушка и закапала. Я же и виноват оказался. И свищ образовался тоже по моей вине. Люмпф. Больше эта медсестра мне не попадалась.

Вскоре погнали меня в столовую на первую кормежку. Какое взбитое яйцо?! Мерзкая каша без соли и помой вместо чая. Ничего не могу проглотить. Нюх обострился настолько, что отвратительные запахи столовой чувствуются повсюду. Прихожу позже всех, с тоской смотрю на убогую еду, выпиваю полстакана компота. И шкандыбаю потихонечку из этой помойки. В коридоре и фойе ни кресел, ни стульев. Сил стоять нет. Только назад в вонючую палату.

На шестой день полегче стало. Уже сравнительно спокойно добирался до столовой. По-прежнему стараюсь прийти попозже, когда голодная братия уже сматывается по палатам. Кроме меня еще один брезгун там появлялся. Но у него по операции более тяжелая болячка была. Щитовидку отпилили. Вот сидим мы за столом, друг на друга с тоской смотрим. Даже на разговор сил нет. Пьем компот, еда не лезет. Грустно раскланиваемся и разбредаемся по своим лежбищам.

Только накануне выписки впервые чувствую голодные позывы. Попросил у соседа половинку яблока. Лучше бы я этого не делал. Презрительнейший взгляд в мою сторону, как на побирушку. Стыдно, но яблоко я сжевал. Впервые столкнулся с таким, что в коллективе каждый свой хавчик жрет в одиночку и с соседями не делится.

Ну не повезло, бывает. Никто ко мне не приходил, передач не приносил. Просто не знали, где я и что со мной. К телефону меня не подпускали.

Через десять дней дают сопровождающую медсестричку и отправляют назад в физкультурный диспансер, пешком. И ни одной скамейки по дороге. Тяжеловато. Благо идти меньше километра.

Меня передали другому лечащему специалисту – ведущему терапевту диспансера. Она в растерянности показывает две различные выписки из хирургии. По одной – аппендикс флегмонозный и подлежал немедленному удалению. По другой – катаральный, который удаляется только по решению хирурга и далеко не всегда. Пришлось, как придурку, тупо повторять, что отрезанной кишкой перед моим носом никто не размахивал. Поэтому до сих пор не знаю – удален аппендикс или нет.

Между прочим, в обеих выписках было указано, что по данным гистологического анализа диагностировано редкое заболевание Шонляйн-Геноха (ломкость кровеносных сосудов). Врачиха не поверила и продолжала придерживаться идиотского диагноза, взятого предыдущей дурой с потолка; инфекционно-аллергический полиартрит.

В этот же день приехал папа. Через институт моментально меня нашел. Очень встревоженным был. И жутко расвирепел, когда узнал, что никто меня в хирургии не навещал: тетка Рая на его звонки из Степногорска отвечала, что каждый день меня проведывает, носит передачи и все в полном порядке. Я только плечами пожал: от такой дамы вполне ожидаемо. Это еще он не узнал про яблоко в хирургии...

Вечером папа наблюдал, как мне скармливают первую порцию лекарств. Бодро глотаю таблетки одну за другой. Много. Начинает мутить. Остается сжевать еще одну здоровенную таблетку и запить ее соляной кислотой. Прошу ребят:

- Принесите тазик.
- Зачем?
- Блевать буду.

Никто не поверил, но таз принесли. Такого ужаса еще никто не видел. После него все таблетки отменили. Назначили другие. Не помогло – назначили третьи и так далее.

Папа понял, что ничем помочь не может. Но ведь я жив и не корчусь от «невыносимых» страданий. В общем удалось уговорить его ехать домой, доказывая, что у меня все в порядке. Иду на поправку. Хотя было уже понятно, что операция сделана крайне некачественно. По ряду признаков, в том числе и очень вонючих, у меня шло внутреннее кровотечение. Оно прекратилось самостоятельно через пару месяцев. Благодарности к хирургу я не испытал.

Через неделю направили меня в амбулаторное отделение снимать швы. Работает молодая женщина врач. Что называется небесной красоты. Цокает каблучками изящных туфель, ножки – совершенство. Чистейший до голубизны, отглаженный и накрахмаленный халатик подчеркивает великолепие тоненькой фигурки. Высокая, стройная. А лицо... да с таких иконы пишут. Чуть-чуть добавила тени у глаз и невозможно взгляд от нее отвести. Мечта любого мужчины.

Как мне стыдно за свой убогий вид. К тому же с моих ступней на чистый пол осыпается какая-то дрянь типа перхоти. Ищу веник прибрать безобразия. Женщина отказывает, и так мягко, спокойно. Утешает, что у нее точно также было после операции. Очень по-доброму утешает. Врет, наверняка. Но мне становится легче. Без боли вытащила нитки из шва и спокойно, не комментируя, занялась свещем. Никакого сюсюканья. И я начинаю себя чувствовать человеком, а не угребищем из помойки. Такие женщины вытаскивают болящих из любых, самых безнадежных ситуаций. Вот и стал карабкаться.

Больше я ее никогда не встречал. Не жалею, но благодарен.

Наладилась поддержка от нашей группы. И стипендия исправно капала. Ходил проводить злейший друг – сосед по комнате Саша Малютин. Какие только пакости мы не устраивали друг-другу в первый год общежитской жизни на радость остальным соседям. А тут он каждую неделю меня навещал. И это при плотном графике учебы. Приносил конспекты и учебники. Я попросил его не носить еду. Нечего студентов обирать. Когда совсем зверел от больничной кормежки, то просил Сашу принести мне одежду, и мы смывались впельменную. Много съесть не мог. Но все равно приятно. Действительно, друга узнаешь в беде.

Наверное, тут сказалось доброе отношение к нему моих родственников из Камышлова. Съездили как-то мы с Малютиным туда в гости. Он видел, что родичи, хоть и сами жили бедновато, но относились к нам одинаково радушно. Закармливали голодных студентов домашней вкуснятиной. Обалдеешь, особенно после студенческих столовок. А дядя Федя возил нас на рыбалку. Ну, как возил – его покалеченной на войне рукой веслами шибко не помашешь, а тут два молодых балбеса... Не растерялся – в самые дальние свои рыбные места нас загонял. Не много мы ловили, но не огорчались, попусту не бурчали. Просто спокойно отдыхали. Дяде это нравилось. Нам тоже.

По вечерам мы вдвоем заходили к бабушке Ольге – в ее комнату. Как она нам радовалась – соскучилась по внуку, а тут сразу двое подвалили. Сашок, умничка, рассказывал о студенческой жизни. И про свою родину – Украину. Бабушке было очень приятно вспомнить эти места – все же целое лето у нас гостила, когда мы там жили. Также как и я слушал он ее рассказы о довоенной жизни. Похоже чувствовал, что находится у своих, оттаивал после общаги.

Вот нам и было приятно встречаться даже в таких не особо привлекательных условиях.

Больничные развлечения

Ночью уснуть не получалось – боль не давала. Так, шаткое забытие. Опиум, снотворные и различные анаболики ни фига не помогали. Чтобы не мешать спать другим болезным стал уходить в сортирный подвал. Там валялся в коридорчике на диване и читал. Потом медсестры меня застукали. Наябедничали врачу. Стукачество из любви к искусству наказуемо: они же и получили персональное задание – отслеживать и выгонять меня из погребца в палату. Устроили дуры себе полноценные ночные дежурства вместо того, чтобы урывать часок-другой для собственного сна.

От первого диагноза инфекционно-аллергического врачиха принципиально не отступала. Назначила анализ Аддис-Каковского (во, блин соответствующе звучит), подозревая меня в скрытой инфекции. Наверное, триппера или сифилиса. Не получилось. Согласно автору этой пытки нужно двенадцать часов подряд непрерывно гулять и периодически сдавать анализы. Подняли мстительные медсестры в пять утра и вперед, болезный, гуляй по коридору. А сами завалились досыпать. В восемь утра меня обнаружили сидящим на полу в каком-то закутке. Опять наябедничали. Потом сами волокли меня на койку. Не осталось сил. Отменили это издевательство.

Придумали ширево снотворным и анаболиками, поили опиумом, но бестолку. Ну валялся, ворочался, смотрел тупо в потолок. Мне это не помогло. Врачиха по-прежнему не верила гистологическому анализу и продолжала экспериментировать. Гестаповка.

Хорошо, что соседи по палате – все спортсмены, на жалость не пробиваемые. Приколы и подьелдыкивания – это всегда пожалуйста. Накормить зазевавшегося соседа пургеном – рядовое событие, почти в каждой палате так развлекались. Вот послать рано утром в спортзал новичка вместо себя, когда так хочется спать – это только у нас.

Сосед, лыжник из пединститута, приучил всю палату спать голышом. Действительно гигиенично и спишь спокойнее. Правда, не всегда.

Наша палата на первом этаже окном выходит на улицу. Ночь. Медсестры разогнали всех по постелям. Свет погашен. Слышим за окном солдатиков, уговаривающих девушек на кой-чего. Лыжник, в чем мама родила, через всю палату несется к открытой форточке, высовывается в нее и выдает советы, как на Красной площади. Громко так.

Услышав это непотребство, вламывается в палату возмущенная медсестра. В темноте ничего не видит. Щелкает выключателем и наблюдает торчащую из форточки голую волосатую задницу. На истошный визг врывается вторая медсестра, и видит уже соскочившую с окна лохматую гориллу. Горилла стыдливо прикрывается ладошкой и пытается проскочить мимо медсестер к своей постельке. Индейский чум. Дамы по своей дурости перекрывают дорогу. И наш лыжник не нашел ничего лучшего, чем прикрыться одеялом соседа. А сосед спал. Почувствовал, что с него стягивают одеяло. Проснулся и с ужасом видит, как к нему в постель лезет голый мужик. Первая его реакция вполне предсказуема – с испуганным верещанием вылетает из кровати. И вот уже две голые гориллы стоят перед ошалевшими медсестрами.

Наше сумасшедшее ржание женщин почему-то жутко обидело. Главврачу донесли. Приходит наша терапевт на утренний осмотр и обещает разогнать нашу палату к такой-то матери. Ладно, спокойно поговорил с ней, пояснил ситуацию и пообещал, что мое состояние ухудшится в скучном обществе. Поверила, вошла в положение привилегированного, в смысле – тяжелого пациента, и нашу палату оставили в прежнем составе.

И развлечения продолжились. Восхитил уже возрастной штангист – квадрат поперек себя шире. Его штанга прямо в палате находилась. Тут же он и резвился. Мы все подвывали от восторга, когда его пришли проводить жена и две любовницы. Одновременно появились, столкнулись в вестибюле, все из себя очень даже взаимно знакомые. И даже ревнивые. В вестибюле

ключья волос и одежды летели в разные стороны. Визг стоял, как от взлетающего истребителя... Мы трусливо вдоль стенок пробирались, а этот членовредитель стоял на высоком крыльце выхода, любовался зрелищем, подзуживал взбесившихся дам и залиvisto хохотал. После такого представления его попросили из диспансера.

Вообще-то в нашей палате некоторые правила строго соблюдались. Передачки с допитанием обязательно общие. Никто не крысятничал. Мою стипендию расходовали на вкусняшки и, немножко, на горячительное. Болящие спортсмены, которых ежедневно гоняли на кроссы, с удовольствием забегали в магазины. Никто не стучал. Ничего стремного за пределы комнаты не выходило.

Немножко такое допитание помогло молодому солдатику. Имел хорошие спортивные заслуги – четвертое место по армии в беге на 3000 метров. Вот только кормили его в части только картошкой с селедкой. Результат – кишечное кровотечение, которое никак не могли остановить.

В больничной столовой тоже не могли его обеспечить легкими продуктами. Поэтому магазинные походы его заметно поддержали. Мне бы так.

Спрашивается, с какого перепуга я получил абсолютный запрет на все соленое? Диета экспериментальная такая. Медсестры строго следили за ней. Ну, я попросил и ребята тайком добыли соленый огурец. Бочковой. Как поклонник Шерлока Холмса спрятал нарушение диеты на самом видном месте – столе в центре комнаты. Когда надзиратели отсутствовали, прокрадывался туда и бритвочкой отрезал тонкие ломтики. Потом, не торопясь, рассасывал их уже лежа в кровати. Замечательно вкусная штука. Особенно если запретная.

Ведущая терапевт зашла, подозрительно осмотрела этот огурец. Сурово спрашивает:

– Чье?

Все, не сговариваясь, дружно рявкнули:

– Мое!

И стыдливо порозовели. Врачиха обозвала коллектив «поросятами» и, хихикая, удалилась. Санкций не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.